

Деятельностный подход в немецкой и российской философии

Е. А. ТЮГАШЕВ

(НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье обсуждается социокультурная обусловленность содержания понятия «деятельность». Показано, что вследствие особенностей национальных культур в Германии получила развитие философия жизни, а в России — философия деятельности.

Ключевые слова: деятельность, деятельностный подход, жизнь, бессмертие, социокультурная обусловленность, философия, Германия, Россия.

Советской философии был популярен деятельностный подход, рассматривавший различные явления общественной жизни на основе понятия «деятельность». Данный подход обладал значительной эвристикой и получил признание в психологии, педагогике, юриспруденции, языкознании и других гуманитарных науках. В настоящее время мода на деятельностный подход прошла, но интерес к нему по-прежнему сохраняется. В связи с этим представляется актуальным вопрос о социокультурных истоках тех надежд, которые возлагались когда-то на понятие деятельности.

При обсуждении судьбы деятельностного подхода обращали внимание как на его генезис в немецкой философской традиции (Лекторский, 2005: 329–332), так и на всплеск интереса к нему в советской философии (Швырев, 2005: 376). Но важен тот факт, что «деятельностный бум» не наблюдался в англоязычной и романоязычной философских традициях. Можно предполагать, что внимание философов к понятию «деятельность» было социокультурно обусловленным и ограничено немецкоязычным и русскоязычным философскими ареалами.

Констатация факта локализации интереса к понятию деятельности в конкретных культурных ареалах позволяет сделать вывод о том, что актуализация темы деятельности не была исторически случайной. Она выражала определенную, системную потребность в развитии теоретического философствования. Поэтому деятельностный подход — это не историко-философский казус, а концептуальный прорыв, обеспечиваемый интеллектуальными ресурсами немецкой и российской культур.

Развитие философской мысли во многом определяется терминологическими возможностями философского языка, который разрабатывается на основе естественных языков. Словарный фонд языка ограничивает тезаурус философского словаря, а лакунарность национальных языков затрудняет интернационализацию философских концептов. И здесь приходится считаться с тем обстоятельством, что концепт деятельности не представлен в концептосфере английского и романских языков, не имеющих соответствующей лексики. Если в немецком и русском языках лексемы *tätigkeit* и «деятельность» являются эквивалентами и потому возможна взаимная адекватная рецепция философских и специально-научных теорий деятельности, то в английском языке (и в романских языках) термин «деятельность» переводится как *activity* (и его аналогами в романских языках). Справедливо отмечается, что такой перевод не является эквивалентным и не позволяет в полной мере представить мировоззренческое и методологическое значение понятия «деятельность» (см.: Каган, 1974: 39–40; Леонтьев, 1983: 137; Давыдов, 1996: 28; Автономова, 2008: 502; Schurig, 1988).

Отчасти ввиду указанной лакунарности в англоязычной и романоязычных философиях возникли только философии действия (*action philosophy, philosophie de l'action*). Но лакунарность языка — это не единственный фактор, препятствовавший рецепции и конституированию философии деятельности. Заметим, что при многочисленности разработок в области философии деятельности ни в нашей стране, ни за рубежом так и не сложилась фи-

лософия активности, хотя выделение «активизма» как философской и политической ориентации распространено. Следовательно, предпочтению действия имеет ценностно обусловленный характер: *action* важнее, чем *activity*.

На мой взгляд, это объясняется тем, что в немецкой и российской философии действие воспринимается как единичный эпизод деятельности, включенный в систему деятельности как целого и потому не вызывающий особого философского интереса. Теория деятельности представляется более масштабной и общей, обладающей в методологическом плане более высокой «разрешающей» способностью, чем теория действия. В англоязычных и романских философиях, наоборот, теория действия воспринимается как достаточная по своим эвристическим возможностям, тогда как в теории деятельности сформировавшейся потребности нет. Поэтому в мировом философском сообществе деятельностный подход не признается в качестве общезначимого, а соответствующие разработки немецких и российских философов слабо воспринимаются.

Чем же вызван интерес к категории деятельности в немецкой и российской философии? Является ли этот интерес чисто интеллектуальным или он укоренен в духовном мире немецкой и российской культур?

Приоритет в обращении к понятию деятельности обычно отдают И. Канту. Однако следует отметить, что в его работах мы не находим явно сформулированных положений в отношении использования понятия «деятельность». В этой связи Э. Г. Юдин писал: «Правда, у Канта еще многое скорее подразумевается, чем фиксируется явным образом, и принцип деятельности еще нужно уметь вычитать за кантовским априоризмом и трансцендентализмом» (Юдин, 1997: 261).

Присоединяясь к этой оценке, все же обратим внимание на свидетельство Н. М. Карамзина, изложившего в «Письмах русского путешественника» разговор с великим немецким философом. «Деятельность есть наше определение, — передает он слова Канта. — Человек не может быть никогда совершенно доволен обладаемым и стремится всегда к приобретениям. Смерть застаёт нас на пути к чему-ни-

будь, что мы еще иметь хотим. Дай человеку все, чего желает, но он в ту же минуту почувствует, что это все не есть все. Не видя цели или конца стремления нашего в здешней жизни, полагаем мы будущую, где узлу надобно развязаться» (Карамзин, 1984: 20).

Как мы видим, Карамзин считал, что Кант придавал большое значение понятию деятельности, поскольку видел в деятельности залог личного бессмертия человека.

В немецкой культуре философский интерес к понятию деятельности возникает в философско-антропологической перспективе. «Первым и последним в человеке да будет деятельность...» — писал И. В. Гёте (Гёте, 1964: 372). Литературное творчество Гёте пронизано пафосом деятельности. Тема деятельности является сквозной в его романе «Годы учения Вильгельма Мейстера». Главный герой романа, например, говорит: «На помощь нам явился аббат; он учил нас, что нельзя наблюдать людей, не интересуясь их развитием» (Гёте, 1959: 482). В этом высказывании обнаруживается, что для Гёте деятельность важна как условие рефлексии, самопознания через самовыражение.

К понятию деятельности Гёте обращался в своих размышлениях о бессмертии. В одном из разговоров с И. П. Эккерманом он так оценивал мировоззренческое значение понятия деятельности: «Человек должен верить в бессмертие; он имеет на это право, это сообразно его природе. Для меня убеждение в нашем будущем существовании возникает из понятия деятельности; ибо если я неустанно действую до конца моей жизни, то природа обязана дать мне иную форму существования, когда эта теперешняя уже не будет в силах более удерживать мой дух. Пусть же вечно живой не откажет нам в новых видах деятельности, аналогичных тем, в которых мы уже испытали себя» (Гёте, 1964: 474).

Таким образом, приведенное Карамзиным суждение Канта о деятельности как определенности, полагающей будущую жизнь, высказано не случайно, а выражает дух времени. И Гёте идея деятельности привлекает в рамках обсуждения темы бессмертия. Но он воспринимает связь деятельности человека и его бес-

смертия в другой модальности. Для Канта деятельность есть безусловное качество, даже долг человека. А бессмертие есть гарантия его самореализации в деятельности. Гёте же рассматривает деятельность в аспекте условной возможности, притязания на испытание. Если человек соглашается на деятельность, то природа обязана предоставить новую телесную форму для продолжения деятельности неудержимого духа.

На интерес Гёте к понятию деятельности в связи с обсуждением проблемы бессмертия обращал внимание В. Виндельбанд (Виндельбанд, 1994: 193). Он констатировал, что, постулируя бессмертие, Гёте обосновывает его сознанием самостоятельной деятельности. Именно самодеятельность личности дает основание предполагать, что личность субстанциональна, а масштаб личности определяется ее собственной деятельностью. Таким образом, деятельность есть предпосылка самодостаточности индивида, перспективы которой оцениваются оптимистично.

Как следует из изложенного, внимание Канта и Гёте к понятию деятельности было привлечено в перспективе обоснования возможности и необходимости личного бессмертия. В деятельности они нашли своего рода философский камень — ключ к бессмертию. Симтоматично, что мотив бессмертия упомянул в своих заметках немецкий феноменолог М. Шелер: «Усвоение деятельности по мере истечения жизни — таким образом, возможно существование после смерти» (Шелер, 2007: 99). По-видимому, деятельность и личное бессмертие — это два существенным образом связанных концепта немецкой культуры.

С бессмертием связаны два атрибута деятельности — ее волевой характер и беспредельность.

Духовной доминантой деятельности в немецкой философии считается воля. Фихте писал о воле «как высшем деятельном принципе» мира (Фихте, 1993: 193). Шеллинг рассматривал сознательную продуктивную деятельность человека как *воление* (Шеллинг, 1987b: 239). В немецкой философии начала XX в. деятельность (*tätigkeit*) определялась как «волевой поступок, волевое действие с осознанием всех

происходящих впоследствии событий» (Eisler, 1904: Электр. ресурс).

Вторым важным атрибутом деятельности в немецкой философии считается ее бесконечность. Шеллинг, иронически замечавший в отношении фихтевского Я, что его неограниченная деятельность — деятельность без объекта, без сопротивления — тождественна абсолютному покою, все же указывал, что «само бытие есть та же продуктивная деятельность, мыслимая в ее неограниченности» (Шеллинг, 1987a: 192).

В немецкой культуре с понятием деятельности ассоциировались представления о бессмертии и бесконечности творящей воли. Этот комплекс ассоциаций имеет, очевидно, теологическое происхождение. Обрести в бесконечной деятельности бессмертие — значило уподобиться Творцу. Констатированная Ницше «смерть бога» стала, вероятно, одним из факторов угасания интереса к теме деятельности в немецкой культуре. Если в ранних работах Фихте понятие «деятельность» встречалось часто, то в поздних текстах оно вытесняется понятием «жизнь». Для Гегеля деятельность — один из многих атрибутов Духа, не имеющий принципиального значения. В Германии расцветает философия жизни, вытесняющая так и не сформировавшуюся философию деятельности. Сохраняя определенное значение для марбургского неокантианства и раннего Витгенштейна, в послевоенной Германии понятие деятельности выпадает из философского оборота и исчезает из философских словарей. В результате наиболее влиятельный сегодня немецкий социальный философ Ю. Хабермас работает в рамках парсоновской парадигмы социального действия.

Итак, если в немецкой философии XX в. интерес к теме деятельности угас, то в советской философии, наоборот, отмечался «деятельностный бум». Если отвлечься от чисто интеллектуальных истоков этого бума, обычно связываемого с освоением наследия раннего Маркса, то возникает вопрос о жизненных потребностях, психологически мотивировавших разработку деятельностного подхода.

Интересными в этом плане являются воспоминания Г. П. Щедровицкого, признанного

патриарха «деятельностного» движения. В лекциях «На Досках», прочитанных в 1989 г., он мотивировал деятельностный подход жизненной необходимостью незамедлительной, безотложной реакции вступить за униженных и оскорбленных: «...Я брал прут металлический, и шел туда. И дальше мне уже было плевать на это. Разобью я голову, или не разобью голову. В школе все знали, что есть такой псих, сумасшедший, и делать этого в нашей школе — нельзя! Потом это постепенно распространилось на двор. И во дворе знали, что делать этого нельзя, во всяком случае, когда я там близко... Поскольку убью. И конец. Вот это должно быть в человеке, — говорю я. А дальше куда хотите — помещайте. И вот это, говорю я, есть база, основание для деятельностного подхода» (Щедровицкий, 1989: Электр. ресурс).

Щедровицкий говорит о простой житейской ситуации, когда, на его взгляд, нельзя созерцать, рефлексировать и выяснять, кто виноват, а нужно отвечать действием, зная, что человек не должен с себя снимать ответственность, ссылаясь на стихию событий.

В описываемом переживании легко узнаются известные темы российской культуры с ее традиционными вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?» В связи с этим следует напомнить, что проблема деятельности оживленно обсуждалась не только в советской философии, но и в дореволюционной российской публицистике.

Приведем любопытную зарисовку В. Г. Белинского. Русский критик писал: «Петербургский житель вечно болен лихорадкой деятельности; часто он в сущности делает ничего, в отличие от москвича, который ничего не делает, но „ничего“ петербургского жителя для него самого всегда есть „нечто“; по крайней мере он всегда знает, из чего хлопочет» (Белинский, 1981: 32). В этом наблюдении интересно то, что деятельность воспринимается как перманентное состояние столичной жизни, состояние почти социально патологическое и вместе с тем жизненно неотъемлемое. Это модус интенсивного бытия личности.

Д. И. Писарев характеризовал деятельность «петербургского типа» как деятель-

ность «карликов», устремляющихся «только к тем микроскопическим целям, которые могут представиться в ограниченном и бедном мире нашей вседневной жизни» (Писарев, 1981b: 343). Тип карликов, по его оценке, «деятелен, но деятельность его похожа на бегание белки в колесе» (там же: 344).

В этом замечании ценным является указание на доминанту цели в деятельности. В российской философии и психологии именно цель принято считать определяющим моментом деятельности. Эта установка является специфичной для понимания деятельности в российской культуре. В немецкой философии, как уже говорилось, духовной доминантой деятельности принято считать волю.

К. С. Аксаков, в целом принимавший культ деятельности, ориентированную на «микроскопические» цели деловитость деятельностью не считал: «Где же нет самостоятельности духа, там рабство духа и подражательность; там нет деятельности, а одна суетливость» (Аксаков, 2009: 192). Он требовал и от личности, и от народа деятельности самостоятельной, самобытной.

Важно подчеркнуть, как бы ни оценивалась эмпирическая реальность деятельности, в русской культуре одной из базовых интуиций было представление о ее целеориентированности и, следовательно, ограниченности. Показательно в этом плане юношеское размышление Л. Н. Толстого: «Я имел два понятия, не требующих никаких доказательств и которые не могут быть заменены ничем другим, столь же безусловными. Понятия эти я выразил так: я ограничен, и я деятелен...» (Толстой, 1935: 227).

Далее он допускает существование «неограниченности» и «недеятельности». На основе этих понятий Толстой дифференцирует различные модусы: «1) ограниченную деятельность, — деятельность весьма понятную и которую я нахожу в себе, 2) деятельность неограниченную; это понятие не может быть, ибо одно противоположно другому: деятельность не может быть неограниченной, 3) ограниченную недеятельность — понятие, которое не может быть, т. е. есть ничего, 4) неограниченную недеятельность» (Толстой, 1935: 228).

Итак, для Толстого «весьма понятна» ограниченная деятельность. Неограниченная деятельность для него немислима, но естественна неограниченная недеятельность. Важным здесь является представление об ограниченности как атрибуте деятельности.

Ценность деятельности утверждалась в российском обществе под влиянием немецкой культуры, переводов Гёте и творчества литераторов круга Карамзина. В 1806 г. В. А. Жуковский писал А. И. Тургеневу о жажде деятельности, внушаемой философами Германии: «Ради Бога, пришли мне что-нибудь хорошее в немецкой философии: она возвышает душу, делая ее деятельнее; она больше возбуждает энтузиазм» (Жуковский, 1985: 360). Позже Д. И. Писарев пишет о Штольце: «Отец его, немец, приучил его к деятельности...» (Писарев, 1981a: 52).

Дух деятельности нашел в России благоприятную культурную почву. В традиционной русской культуре XV–XVI вв. нормативными были такие модели поведения, как смятенность и нерешительность, неторопливость и неспешность, раздумчивость действий (Демин, 1998: 308). Иван Грозный уже ценил деловитость татар и обличал своих приближенных: «Крымцы так не спят, как вы». Обличение безделья, вялости и лени стало идеологически значимым клише в Новое время. Во второй половине XVII в. модель поведения изменяется: культивируются «живость», установка на подвижность и деятельную настроенность, неутомимость и стремление к быстроте в ведении дел, на любые проявления энергии (там же: 293).

Оформившийся в XIX в. культ деятельности во многом наследовал устоявшиеся в предыдущий исторический период ориентации на «живость», «оживление» действительности. Включение в публицистический дискурс понятия «деятельность» придало «второе дыхание» культурному комплексу «живости», в рамках которого стали говорить о «живом» деле, «живых» душах, «живом» знании, «живой» деятельности и пр.

Если в немецкой духовной культуре тема жизни вытесняла тему деятельности, то в России, наоборот, интерес к жизни стимулировал интерес к деятельности. Н. Н. Страхов выска-

зывал следующее соображение в отношении деятельности великих людей, достигших успеха и начинающих все вновь: «Очевидно, душа ищет деятельности и томится без нее. А что значит деятельность? Пока есть задача, которая *не решена*, пока есть замысел, который *не исполнен*, пока есть цель, которая *не достигнута*, — до тех пор возможна деятельность. И следовательно, муки души толкают нас вперед, к неразгаданному и несовершенному. Они суть муки рождения. То *новое*, что приходит в мир, — таинственное будущее, которое наступает, — оно приходит не помимо нас, мы сами его рождаем. ... Жизнь есть действительное обновление, действительная загадка, и потому великая черта ее открывается в том, что как неизвестно будущее, так и совершенно неизвестно, что выходит из жизни каждого из нас» (Страхов, 2007: 207).

Деятельность оказывается интересна тем, что из нас выйдет. Для этого деятельность должна быть конечной, должна завершиться и дать начало неизведанной жизни. Напомним здесь еще раз слова Щедровицкого: «Поскольку убью. И конец. <...> А дальше куда хотите — помещайте» (Щедровицкий, 1989: Электр. ресурс). Жажда деятельности связана, таким образом, с интересом к жизни. Деятельный человек непрерывно и непредсказуемо обновляет свою и чужую жизнь. Не как жизнь, а как бездеятельность оценивается такое существование, когда все идет своим чередом и предсказуемо: изо дня в день — одно и то же.

В данном моменте понятие деятельности в России существенно отлично от немецкого *tätigkeit*, которая требует «осознания всех происходящих впоследствии событий» (Eisler, 1904: Электр. ресурс). В русской культуре деятельность как раз интересна своей актуальной завершенностью и вместе с тем неожиданностью последствий. Деятельность имеет принципиально творческий характер, но в результате субъект деятельности не только что-то «сотворил», но и что-то «натворил».

Деятельностное миропонимание в российской философии не афишировалось, но было органически принято. Так, в 1790 г. профессор Московского университета А. М. Брянцев писал о мироздании, система которого пронизана

на и одушевлена деятельностью (Брянцев, 1990: 200). По мнению Ф. А. Голубинского, философия рассматривает «деятельность всего существующего» (Голубинский, 1987: 316). Н. Н. Страхов энергично критикует представление о «самонедеятельном бытии» и утверждает, что «сущность вещей состоит в деятельности» (Страхов, 2007: 406). На наш взгляд, можно обоснованно говорить о том, что в российской дореволюционной философии имплицитно присутствовала интерпретация мира как деятельности, т. е. осуществлялась стихийная универсализация понятия «деятельность».

Подводя итоги, можно заключить, что деятельностный подход является уникальным социокультурным феноменом немецкой и российской культур. Концепт деятельности первоначально возникает и закрепляется в художественно-публицистическом дискурсе, и лишь затем он подхватывается и разрабатывается в философии. Такой путь генезиса позволяет говорить об устойчивости темы деятельности в философии.

Обращение к понятию деятельности в немецкой философии мотивируется потребностью в решении проблемы личного бессмертия: волевые усилия и неустанная, беспредельная деятельность полагаются как необходимые условия его достижения. В российской философии представляется важным качество деятельности, ее открытость для новых масштабных свершений. Поэтому деятельность в российском понимании обогащает текущую жизнь, тогда как деятельность в ее немецком понимании ориентирована на вечную жизнь. Негативная связь между феноменами жизни и деятельности в немецкой философии стала одним из факторов триумфа в Германии философии жизни и ухода со сцены философии деятельности.

Для российской культуры и философии деятельностный подход сохраняет свое жизненно-практическое значение. Мышление в парадигме деятельности требует рефлексии ее результативности, а также ответственности за все ее последствия. Только в этом случае жизнь продолжается и истрачивается в деятельности не зря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономова, Н. С. (2008) Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН.
- Аксаков, К. С. (2009) Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации.
- Белинский, В. Г. (1991) Петербург и Москва // Физиология Петербурга. М.: Наука. С. 14–38.
- Брянцев, А. М. (1990) Слово о связи вещей во вселенной // Русская философия второй половины XVIII века: хрестоматия. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. С. 194–204.
- Виндельбанд, В. (1994) О философии Гёте // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М.: Юрист. С. 173–197.
- Гёте, И. В. (1959) Годы учения Вильгельма Мейстера. Пермь: Пермск. кн. изд-во.
- Гёте, И. В. (1964) Избр. философские произведения. М.: Наука.
- Голубинский, Ф. А. (1987) Лекции философии // Русская философия первой половины XIX в.: хрестоматия. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. С. 307–322.
- Давыдов, В. В. (1996) Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР.
- Демин, А. С. (1998) О художественности древнерусской литературы. М.: Языки русской культуры.
- Жуковский, В. А. (1985) Эстетика и критика. М.: Искусство.
- Каган, М. С. (1974) Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М.: Политиздат.
- Карамзин, Н. М. (1984) Письма русского путешественника. Л.: Наука.
- Лекторский, В. А. (2005) Деятельностный подход: кризис или возрождение? // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс-Традиция. С. 327–344.
- Леонтьев, А. Н. (1983) Деятельность. Сознание. Личность // Избр. психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика. Т. 2. С. 94–231.
- Писарев, Д. И. (1981a) Роман И. А. Гончарова «Обломов» // Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. Л.: Художественная литература. Т. 1. С. 43–59.
- Писарев, Д. И. (1981b) Мотивы русской драмы // Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. Л.: Художественная литература. Т. 1. С. 323–358.
- Страхов, Н. Н. (2007) Мир как целое. М.: Айрис-пресс; Айрис-дидактика.
- Толстой, Л. Н. (1935) Юношеские опыты // Полн. собр. соч. М.: Художественная литература. Т. 1. С. 213–303.

Фихте, И. Г. (1993) Назначение человека // Соч. : в 2 т. СПб. : Мифрил. Т. 2. С. 65–224.

Швырев, В. С. (2005) Деятельностный подход к пониманию «феномена» человека (Попытка современного осмысления) // Наука глазами гуманитария. М. : Прогресс-Традиция. С. 345–383.

Шелер, М. (2007) Философские фрагменты из рукописного наследия. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы.

Шеллинг, Ф. В. Й. (1987a) Введение к наброску системы натурфилософии, или О понятии умо-зрительной физики и о внутренней организации системы этой науки // Соч. : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. С. 182–226.

Шеллинг, Ф. В. Й. (1987b) Система трансцендентального идеализма // Соч. : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. С. 227–489.

Щедровицкий, Г. П. (1989) Лекции «На Досках» [Электр. ресурс] // Журнал «Самиздат». URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/turist/biblioteka/bibl008.html> (дата обращения: 13.04.2013).

Юдин, Э. Г. (1997) Методология науки. Системность. Деятельность. М. : Эдиториал УРСС.
Eisler, R. (1904) Tätigkeit [Электр. ресурс] // Textlog.de. URL: <http://www.textlog.de/5207.html> (дата обращения: 13.04.2013).

Schurig, V. (1988) «Tätigkeit» or «Activity»? The Limits of Translating Key Psychological Concepts into other Languages [Электр. ресурс] // Multidisciplinary Newsletter for Activity Theory. Vol. 1. № 1/2. P. 3–5. URL: http://www.ich-sciences.de/fileadmin/pdf/Volker_Schurig.pdf (дата обращения: 13.04.2013).

Дата поступления: 15.02.2013 г.

*THE ACTIVITY APPROACH IN GERMAN
AND RUSSIAN PHILOSOPHY*

*E. A. Tiugashev
(Novosibirsk National Research
State University)*

The article discusses the sociocultural conditionality of the content of the concept of activity. It is shown that due to the national cultural specifics Lebensphilosophie was developed in Germany, while the philosophy of activity was developed in Russia.

Keywords: activity, the activity approach, life, immortality, sociocultural conditionality, philosophy, Germany, Russia.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Avtonomova, N. S. (2008) Poznanie i perevod. Opyty filosofii iazyka. M. : ROSSPEN.

Aksakov, K. S. (2009) Gosudarstvo i narod. M. : Institut russkoi tsivilizatsii.

Belinskii, V. G. (1991) Peterburg i Moskva // Fiziologiya Peterburga. M. : Nauka. S. 14–38.

Briantsev, A. M. (1990) Slovo o svyazi veshchei vo vselennoi // Russkaia filosofii vtoroi poloviny XVIII veka : khrestomatiia. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta. S. 194–204.

Vindel'band, V. (1994) O filosofii Gete // Vindel'band V. Filosofii kul'tury : Izbrannoe. M. : Iurist. S. 173–197.

Gete, I. V. (1959) Gody ucheniia Vil'gel'ma Meistera. Perm' : Permsk. kn. izd-vo.

Gete, I. V. (1964) Izbr. filosofskie proizvedeniia. M. : Nauka.

Golubinskii, F. A. (1987) Lektsii filosofii // Russkaia filosofii pervoi poloviny XIX v. : khrestomatiia. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta. S. 307–322.

Davydov, V. V. (1996) Teoriia razvivaiushchego obucheniia. M. : INTOR.

Demin, A. S. (1998) O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury. M. : Iazyki russkoi kul'tury.

Zhukovskii, V. A. (1985) Estetika i kritika. M. : Iskusstvo.

Kagan, M. S. (1974) Chelovecheskaia deiatel'nost' (opyt sistemnogo analiza). M. : Politizdat.

Karamzin, N. M. (1984) Pis'ma russkogo puteshestvennika. L. : Nauka.

Lektorskii, V. A. (2005) Deiatel'nostnyi podkhod: krizis ili vozrozhdenie? // Nauka glazami humanitariia. M. : Progress-Traditsiia. S. 327–344.

Leont'ev, A. N. (1983) Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' // Leont'ev A. N. Izbr. psikhologicheskie proizvedeniia : v 2 t. M. : Pedagogika. T. 2. S. 94–231.

Pisarev, D. I. (1981a) Roman I. A. Goncharova «Obломov» // Pisarev D. I. Literaturnaia kritika : v 3 t. L. : Khudozhestvennaia literatura. T. 1. S. 43–59.

Pisarev, D. I. (1981b) Motivy russkoi dramy // Pisarev D. I. Literaturnaia kritika : v 3 t. L. : Khudozhestvennaia literatura. T. 1. S. 323–358.

Strakhov, N. N. (2007) Mir kak tseloe. M. : Airispress ; Airis-didaktika.

Tolstoi, L. N. (1935) Iunosheskie opyty // Tolstoi L. N. Poln. sobr. soch. M. : Khudozhestvennaia literatura. T. 1. S. 213–303.

Fikhte, I. G. (1993) Naznachenie cheloveka // Fikhte I. G. Soch. : v 2 t. SPb. : Mifril. T. 2. S. 65–224.

Shvyrev, V. S. (2005) Deiatel'nostnyi podkhod k ponimaniu «fenomena» cheloveka (Popytka sovremennogo osmysleniia) // Nauka glazami humanitariia. M. : Progress-Traditsiia. S. 345–383.

Sheler, M. (2007) Filosofskie fragmenty iz rukopisnogo naslediiia. M. : In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.

Shelling, F. V. I. (1987a) Vvedenie k nabrosku sistemy naturfilosofii, ili O poniatii umozritel'noi fiziki i o vnutrennei organizatsii sistemy etoi nauki // Shelling F. V. I. Soch : v 2 t. M. : Mysl'. T. 1. S. 182–226.

Shelling, F. V. I. (1987b) Sistema transtsendental'nogo idealizma // Shelling F. V. I. Soch : v 2 t. M. : Mysl'. T. 1. S. 227–489.

Shchedrovitskii, G. P. (1989) Lektsii «Na Doskakh» [Elektr. resurs] // Zhurnal «Samizdat». URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/turist/biblioteka/bibl008.html> (data obrashcheniia: 13.04.2013).

Iudin, E. G. (1997) Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deiatel'nost'. M. : Editorial URSS.

Eisler, R. (1904) Tütigkeit [Elektr. resurs] // Textlog.de. URL: <http://www.textlog.de/5207.html> (data obrashcheniia: 13.04.2013).

Schurig, V. (1988) «Tätigkeit» or «Activity»? The Limits of Translating Key Psychological Concepts into other Languages [Elektr. resurs] // Multidisciplinary Newsletter for Activity Theory. Vol. 1. № 1/2. P. 3–5. URL: http://www.ich-sciences.de/fileadmin/pdf/Volker_Schurig.pdf (data obrashcheniia: 13.04.2013).